

Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

М.В. Шкаровский

**«Господь дарует нам победу».
Русская Православная Церковь
и Великая Отечественная война**

ПОЗНАНИЕ

Москва

2020

УДК 281.9
ББК 86.2
Ш 66

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-914-0547

Шкаровский М.В.

Ш 66 «Господь дарует нам победу». Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. — М.: Издательский дом «Познание», 2020. — 528 с.
ISBN 978-5-906960-88-7

Возрастной знак 12+

Все дальше уходит от нас период Великой Отечественной войны, и в 2020 году мы празднуем уже 75-летие Победы. Но трагические и героические события этого исторического периода продолжают жить в сердцах людей, и постепенно все очевиднее становится та значительная роль, которую сыграла в победе над нацизмом Русская Православная Церковь.

Предлагаемое читателю издание является изложением военного периода ее деятельности (1941–1945 гг.) — ключевого в ее драматичной истории XX века. Первая глава книги посвящена патриотической деятельности Русской Церкви, в том числе в блокадном Ленинграде, религиозной политике советского государства и изменению государственно-церковных отношений в СССР в годы войны. Во второй главе анализируется формирование и эволюция немецкой государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны, рассматривается церковная жизнь на оккупированной территории СССР.

Книга предназначена для историков, священнослужителей и всех интересующихся историей христианства и Русской Православной Церкви.

**УДК 281.9
ББК 86.2**

ISBN 978–978-5-906960-88-7

© Шкаровский М.В., текст, 2020

© Издательский дом «Познание», оформление, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5

Глава I.

Изменение государственно-церковных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны	73
1. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви. . .	73
2. Церковная жизнь блокадного Ленинграда	94
3. Религиозная политика советского государства в годы войны . . .	146
4. Ликвидация обновленческого и григорианского расколов.	180
5. Международная деятельность Московского Патриархата	195

Глава II.

Русская Православная Церковь и религиозная политика нацистской Германии на оккупированной территории СССР	205
1. Религиозная политика германских ведомств перед началом Второй мировой войны и антихристианская сущность нацистского режима	205
2. Нацистская политика в отношении Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны	235
3. Экзархат Московского Патриархата в Прибалтике	264
4. Деятельность Псковской православной духовной миссии и церковное возрождение в русских областях прифронтовой полосы	319
5. Создание и деятельность Белорусской Православной Церкви . .	401
6. Православная Церковь в рейхскомиссариате «Украина»	424

7. Румынская религиозная политика в Молдавии и на Юго-Западе Украины	454
8. Общие особенности и итоги церковного развития на оккупированной территории СССР	497
Приложение	513

От автора

Все дальше уходит от нас период Великой Отечественной войны, в нынешнем году празднуется уже 75-летие Победы. Однако трагические и героические события минувшего продолжают жить в сердцах людей. С течением времени все очевиднее становится та значительная роль, которую сыграла Русская Православная Церковь в победе над нацизмом. Складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений. Несмотря на духовную несвободу, антирелигиозные гонения 1930-х гг., верующие приняли самое активное участие в борьбе с захватчиками.

С первого дня Отечественной войны руководство Московского Патриархата призвало народ к защите Родины и этим поддержало государство. Такая позиция Церкви была особенно важна в свете значительного роста религиозности в первой половине 1940-х гг. как среди мирного населения, так и среди военнослужащих. Предлагаемое читателю издание является изложением военного периода деятельности Русской Православной Церкви (1941–1945 гг.), который является ключевым в ее драматичной истории на протяжении XX в.

Книга получила свое название по словам Патриаршего Местоблюстителя Русской Православной Церкви митрополита Сергия (Страгородского), сказанным в его патриотическом послании, собственноручно написанном в первый день Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 г.: «Господь дарует нам победу».

Первая глава монографии посвящена патриотической деятельности Русской Православной Церкви, в том числе в блокадном Ленинграде, религиозной политике советского государства и изменению государственно-церковных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны.

Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в изменении поначалу неблагоприятного для СССР хода боевых действий. Проявления патриотической деятельности Русской Православной Церкви были очень многообразны: морально-нравственное влияние (через послания, обращения, проповеди); сбор денежных средств, драгоценностей, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии

и участие в партизанском движении; помощь раненым бойцам шефством над госпиталями и созданием санитарных пунктов; участие в сооружении оборонительных укреплений, организации противовоздушной обороны и т. д.

Рост религиозности был напрямую связан и с ростом морально-нравственного уровня в стране. Несмотря на угрозу смерти, тяжелейшие бытовые условия: разруху, голод, холод — для периода Великой Отечественной войны были характерны проявления высочайших образцов нравственности и самопожертвования со стороны значительных слоев населения. Личным примером духовенство Московского Патриархата призывало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла. Все это не могло не оказать воздействия и на религиозную политику советского правительства, которая претерпела существенные изменения. В советский период роль Русской Православной Церкви в победе над агрессором, как правило, замалчивалась, и лишь в последние десятилетия стали известны многие события и имена этой истории.

Во второй главе прослеживается процесс складывания и эволюции немецкой государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны, а также рассматривается церковная жизнь на оккупированной территории СССР. При работе над этим разделом автор ставил перед собой следующие задачи: определение факторов, влиявших на немецкую политику по отношению к Русской Православной Церкви; выделение ее этапов и их основных характеризующих черт, изучение деятельности органов, непосредственно осуществлявших данную политику, выявление ее целей и результатов; определение реакции различных юрисдикций и течений Русской Церкви на действия национал-социалистических ведомств; изучение феномена религиозного возрождения на занятых восточных территориях — выяснение его причин, масштабов и последствий; рассмотрение воздействия немецкой церковной политики на изменение политики правительства СССР в религиозном вопросе.

Тема раздела представляет особенный интерес в связи с тем, что высшее руководство III рейха проявляло заметное внимание к религиозной политике в Восточной Европе и прежде всего на территории СССР. Важнейшие акценты нацистской политики заключались в проведении Рейхсминистерством церковных дел во второй половине 1930-х гг. унификации русских приходов и планировании создания Автокефальной Германской Православной Церкви; попытке

после начала войны с СССР расколоть Русскую Церковь на несколько враждующих течений и в то же время пропагандистски использовать стихийное религиозное возрождение на занятых восточных территориях; намерении после окончания войны создать для народов Восточной Европы «новую религию», обязательную для подданных III рейха.

Часть главы посвящена подвигу и трагической участи православного духовенства на оккупированной территории СССР. Многие священнослужители участвовали в партизанском движении, помогали подпольщикам, советским военнопленным, спасали от уничтожения евреев и участвовали в других видах патриотической деятельности.

В целом церковная жизнь на оккупированной части СССР характеризуется массовым и в значительной степени стихийным возрождением. Оно охватило различные регионы страны, но особенно активно шло на Украине, в Белоруссии и на Северо-Западе России, где действовала Псковская православная духовная миссия — единственная на всей оккупированной территории РСФСР. При этом история Псковской миссии была сложной, противоречивой и по-своему трагичной.

Фактически на всей оккупированной территории была восстановлена Русская Церковь, хотя в определенной степени и разделенная на три части. Сепаратистских национальных Церквей нигде, кроме Украины, создать не удалось, да и там за ней пошло меньшинство духовенства и верующих. Не только религиозность россиян, но и Русская Православная Церковь как организация оказалась гораздо более сильной и живучей, чем считало руководство III рейха. Открывшиеся храмы превратились в центры русского национального самосознания, проявления патриотических чувств. Вокруг них сплотилась значительная часть населения. Всего за три года оккупации в условиях голода, разрухи, отсутствия материальных возможностей было восстановлено, как минимум, 9400 церквей и около 60 монастырей.

Хотя со времени окончания Великой Отечественной войны прошло 75 лет, существуют ее важные аспекты и темы, которые начали глубоко изучаться лишь относительно недавно — последние 20–25 лет. К числу таких тем относится история Русской Православной Церкви, других конфессий СССР, а также государственная религиозная политика Советского Союза и нацистской Германии в 1941–1945 гг. Конечно, эти темы привлекали внимание отечественных

и зарубежных исследователей и раньше, однако в силу целого ряда объективных причин были изучены в небольшой степени. Только в начале 1990-х гг. началось обращение к колоссальным, не доступным ранее пластам документов российских архивов, которые пока еще недостаточно введены в научный оборот. Работы по избранной теме, носящие конкретно-исторический характер, можно условно разделить на пять основных групп.

Труды советских исследователей, как правило, имеют очень общий, обзорный характер, к тому же несут идеологический отпечаток прежнего официального негативного отношения к религии¹. Церковь в них зачастую представляется реакционным, антинародным институтом, а органы государственной власти показаны исключительно в положительном плане. Было принято считать, что дух христианского вероучения «несовместим с духом героической борьбы за честь и свободу Родины». Многие исследователи предпочитали писать не о патриотической деятельности Церкви в годы войны, а о коллаборационизме ее представителей на оккупированных территориях; акцент на сотрудничестве некоторых священнослужителей с гитлеровцами делался и при публикации сборников документов, и в специальных работах. И все-таки даже в подобных изданиях, особенно в первые послевоенные годы, порой признавалась положительная роль патриотической деятельности верующих в период Великой Отечественной войны. Отличительной чертой работ этого направления было почти полное отсутствие документальной базы исследований. Те же ученые, которые использовали доступные им источники, интерпретировали их, исходя из заданных заранее идеологических посылок.

Но, хотя до конца 1980-х гг. условия для объективного изучения государственно-церковных отношений фактически отсутствовали, важные в научном плане работы иногда все же появлялись. Наибольшую ценность имеют монография А.А. Шишкина, посвященная проблеме обновленческого раскола, в том

¹ Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Особенности модернизации современного русского православия. М., 1978; Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-е-80-е гг. XX столетия). М., 1984; Его же. Современное русское православие. Л., 1988; Барменков А.Н. Свобода совести в СССР; Куроедов В.А. Религия и церковь в советском обществе; Корзун М.С. Русская Православная Церковь 1917–1945 гг. Изменение социально-политической ориентации и научной несостоятельности вероучения. Минск, 1987; Русское православие вехи истории. М., 1989; Красников Н.П. Социально-этические воззрения русского православия в XX в. Киев, 1988.

числе его ликвидации в военный период,² и книга З.В. Балевица, уделившая значительное внимание деятельности Русской Церкви на оккупированной территории Прибалтики и Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны³.

Вторую группу составляют труды церковных историков — священнослужителей и мирян Московского Патриархата. Часть из этих работ до сих пор не опубликована и хранится в виде рукописей в библиотеках духовных академий, другие были изданы: митрополита Мануила (Лемешевского), епископа Сергия (Ларина), А.И. Кузнецова, А. Сергеенко, протоиерея Владислава Цыпина, протоиерея Владимира Сорокина и др.⁴ Значительное внимание в них уделялось истории обновленческого раскола, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Другие же движения в Русской Церкви специально изучал в основном скончавшийся осенью 1995 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев)⁵.

На исследования церковных историков порой сильно влияла их принадлежность к Московскому Патриархату. Всячески доказывалась оправданность церковной позиции руководства Патриархата, несколько идеализировалось его отношение к советской власти, излишне критически оценивалась деятельность Русской Православной Церкви Заграницей и т.п. Между тем, многие исторические труды священнослужителей и мирян Московского Патриархата содержат интересные фактические данные, что придает им несомненную ценность.

² Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. Казань, 1970.

³ Балевиц З.В. Православная Церковь Латвии под сенью свастики (1941–1944). Рига, 1967.

⁴ Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1863 по 1965 гг. Т. 1–6. Эрланген, 1979–1989; Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол. Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики. Сост. И.В. Соловьев. М., 2002; Сергеенко А. О положении Церкви в России. Париж, 1947. Рукопись; Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви, 1917–1990. М., 1991; Его же. История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997; Сорокин Владимир, прот. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005 и др.

⁵ Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х гг. XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие. Сортавала, 1993; Его же. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 2005.

Значительный вклад в изучение темы внесли зарубежные (англоязычные, немецкие и др.) исследователи. Их повышенное внимание к проблеме неслучайно, ведь именно Великая Отечественная война послужила переломным этапом, позволившим советскому руководству по-иному посмотреть на роль и функции религии в обществе. Историками Д. Поспеловским, Н. Струве, У. Флетчером, Г. Штриккером и другими был создан ряд обобщающих монографий, в целом реалистично освещавших церковную политику советского государства, жестокие антирелигиозные акции властей в довоенный период и смягчение советской религиозной политики в годы Второй мировой войны⁶. Правда, для этих трудов характерна ограниченность источниковой базы, прежде всего архивных документов.

Имеются среди работ зарубежных авторов и остро политизированные исследования. Некоторые из пристрастных в своих взглядах историков считают руководителей Московской Патриархии, пошедших в военный период на сотрудничество с советским правительством, предателями интересов России и Русского Православия. Практически вся советская действительность рисуется у этих авторов в черном цвете. Еще одна сравнительно немногочисленная группа исследователей идеализирует отношения Церкви и советского государства в военные годы, считая, что позиция Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) полностью оправдала себя. Представители этой группы принадлежат, как правило, к левой интеллигенции (Д. Куртис, К. Грюнвальд и другие).

Четвертую группу составляет русская эмигрантская и диссидентская литература. Следует отметить, что если в 1920-е — 1930-е гг. за границей фактически не существовало расхождений в оценках между научными исследователями и публицистикой — СССР считался государством, стремящимся к уничтожению религии, то после Второй мировой войны ситуация существенным образом изменилась. Восстановление патриаршества, проведение грандиозного Поместного Собора 1945 г., активная международная деятельность Москов-

⁶ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2005; *Его же*. Тоталитаризм и вероисповедание. М., 2003; *Его же*. A History of Marxist-Leninist atheism and soviet antireligions policies. London, 1987; Struve N. Les chretiens en URSS. Paris, 1963; Fletcher W. The Russian Orthodox Church underground, 1917–1970. Oxford, 1971; Stricker G. Religion in Russland. Darstellung und Daten zu Geschichte und Gegenwart.

ской Патриархии оказали сильное воздействие на позицию значительной части русской эмиграции и руководящие органы Церквей различных конфессий. Многие эмигранты перешли в юрисдикцию Московского Патриархата, представители же Русской Православной Церкви в Америке и Западноевропейского Русского Экзархата стали относиться к ней достаточно лояльно. Непримируемой осталась лишь Русская Православная Церковь Заграницей, однако она оказалась почти в полной изоляции.

Между тем из российских эмигрантов церковной историей военного периода занимались в основном священнослужители и миряне Зарубежной Русской Церкви. В целом работы русских эмигрантов чаще всего субъективны, пристрастны и обычно затрагивают ограниченный круг вопросов какого-то конкретного периода времени. Обобщающих, аналитических монографий ими написано не было. На эту роль претендует трехтомник В. Степанова (Русака)⁷. Однако он является не научным исследованием, а страстной и достаточно наивной публицистической книгой, страдающей нарушением хронологии, отсутствием последовательности изложения, обилием фактических ошибок.

Мимо книг известных религиозных диссидентов А. Краснова-Левитина и В. Шаврова не может пройти ни один ученый, занимающийся изучением церковных расколов 1922–1940-х гг.⁸ А. Краснов-Левитин, сам бывший обновленческий священнослужитель (умерший в эмиграции), написал достаточно подробное и богатое фактическими данными исследование, особое внимание уделяя Ленинграду. Однако некоторые моменты истории обновленчества освещены в нем недостаточно объективно, присутствует определенная идеализация движения, к тому же преувеличивается его близость к социалистическим идеям.

Противоположный взгляд на историю церковных движений 1920–1940-х гг. отстаивает другой религиозный диссидент Л. Регельсон. В своем в целом очень интересном исследовании он стремится доказать, что истина была на стороне «непоминающих» за богослужением в храмах гражданские власти и Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского)⁹.

⁷ Степанов (Русака) В. Свидетельство обвинения. В 3 т. М., 1993.

⁸ Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977; Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1–3.

⁹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. (Репринт — М., 1996).

По-своему ценны и работы других эмигрантов: А.А. Валентинова, К. Криптона, протопресвитера Михаила Польского, епископа Григория (Габбе) и др.¹⁰

В среде бывших религиозных диссидентов и сегодня активно обсуждается вопрос: была ли оправдана в годы войны позиция церковного руководства, принявшего новый курс советского правительства в отношении Церкви. В адрес Московской Патриархии раздаются упреки, обвинения в сервилизме и даже в предательстве заветов Христа. Как продолжение прежней линии расценивается нынешнее молчание церковных иерархов в ответ на призывы официально осудить сталинизм и отречься от его прежних восхвалений. Таким образом, внутри четвертой группы существуют очень серьезные различия при оценке позиции Московской Патриархии, во многих случаях заметно влияние групповых пристрастий. Деятельность же Русской Православной Церкви Заграницей, как правило, идеализируется. Кроме того, в силу объективных причин, вся эмигрантская и диссидентская литература имеет ограниченную источниковую базу, материалы российских архивов использовались в ней в небольшой степени.

С начала 1990-х гг. стала быстро расти новая российская, украинская и белорусская историография темы. По ряду спорных моментов она занимает промежуточную позицию. Первоначально большинство российских историков — В.А. Алексеев, М.И. Одинцов, Ю.А. Бабинов, М.Н. Бессонов и другие сохраняли приверженность некоторым прежним концепциям, обелявшим церковную политику советского государства¹¹. Но постепенно под влиянием зна-

¹⁰ Польский М. Новые мученики российские. Т. 1–2. Джорданвилл, 1949, 1957; Григорий (Габбе), еп. К истории русских церковных разделений за границей. Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church under the soviet regime 1917–1982». Джорданвилл, 1992.

¹¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991; *Его же*. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992; Одинцов М.И. Государство и Церковь (История взаимоотношений: 1917–1938 гг.). М., 1991; *Его же*. Государство и Церковь в России, XX в. М., 1994; *Его же*. Русские Патриархи XX в. (Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов). М., 1999; *Его же*. Русская Православная Церковь в XX в.: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002; Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М., 1990; Бабинов Ю.А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь, 1991.